1972 г.

2) (7)

0

MPTY 19 Nº 183-65

2

2

РГД 2015

08-3-755

РГДІ 2015

виталий коржиков

Начальнин заставы напитан Матвеев решил с утра проехать по тайге: взял автомат— на всяний таёжный случай— и выехал на ноне за ворота.

пошёл в гору привычной тропой. Но едва въехали в лес, он захрапел, взвился на дыбы и шарахнулся в сторону.

Прямо на них снвозь дубнян ломилась громадная медведица. Матвеев ахнул от неожиданности, вскинул автомат и дал очередь.

Медведица тут же тинулась носом в траву, а в дубняке снова раздался треси. Матвеев опять вскинул автомат, но на тропу вывалился медвежонок.

Он на сенунду остановился, тараща глаза на громадного ноня, и бросился под брюхо н мёртвой медведице.

Матвеев спрыгнул с ноня, снял шинель, завернул медвежонка и стал быстро спускаться вниз, к заставе.

На заставе медвежонну обрадовались. Солдаты передавали его из рун в руни.

— Мишна мамну узнал! — рассмеялись солдаты. — Бери его н себе на нухню: и тепло, нан в берлоге, и найдётся, что пососать.

Ерохин принёс медвежонка на кухню, постелил ему за печкой кусок овчины и поставил старую солдатскую миску.

Застава стояла среди гор, со всех сторон — тайга. Пахло сосной. Нричали лесные птицы. И Мишна чувствовал себя нан дома. Солдаты приносили ему из похода недровые шишни, и он, урча, лущил орехи.

Нан-то, ногда он лежал на солнышне у нрыльца, подошла норова Майна, нагнула рогатую голову и посмотрела на него страшными глазами.

Медвежонон всночил, ощетинился, поднял было лапу, но вдруг почувствовал тёплый молочный запах и потянулся мордочной н вымени.

оглядывалась, отмахивалась от него: вот-вот боднёт назойливого знаномого.

Нан тольно подходило время обеда, Мишна бросал все игры и новылял к нухне. Он хватал передними лапами мисну, нан выучил его Ерохин, и пристраивался за солдатами н раздаточному оношну.

Через несколько минут он с пустой чашкой останавливался у столов, и каждый пограничник добавлял ему ложку из своей порции.

Ерохин морщился, начал головой: "Позор, срам! Не пограничник, а побирушка". — Мишка виновато косил глазами, но солдаты защищали его и дружно наполняли миску.

Прошло таёжное лето. Пожелтела тайга. Прощально закричали над сопками перелётные птицы. Мишка смотрел на всё с удивлением и тревогой.

Он вырос. Ерохин однажды сназал: "Ого! Тебя уже иначе, нан по имени-отчеству, не назовёшь. Тольно Михаилом Матвеичем!"— "А почему — Матвеич?" — полюбопытствовали солдаты. —"А нан же! Принёс-то его напитан Матвеев!"

Михаил Матвеич совсем привын н пограничнинам. Просыпался вместе с ними, нувырнался на турнине, ходил по бревну. [3]

ряд-медведь ждал и встречал его. Чистил посуду возле нухни-и Мишка суетился тут же.

А сноро Ерохин удивил всех весёлой выдумной. Недалено от заставы прыгала по намням горная речна. Наждый день повар возил с рени воду. Сначала Михаил Матвеич бегал за ним следом.

Но однажды Ерохин поставил его рядом с собой. Мишна налёг лохматой грудью на оглобли и весело потопал вместе с поваром.

Потом Ерохин оставил его одного, и все увидели такую нартину: Михаил Матвеич тянул тележну с бочной, а повар шёл рядом и беззаботно покуривал.

Скоро Ерохин научил медведя наполнять бочку водой. Черпает он бадьёй воду, наконец вода хлюпает через край, и медведь тянет бочку к кухне.

—Ну и выдрессировал! Талант! Хоть в цирк Мишку отдавай, — говорили пограничники. — А Ерохина к нему дрессировщиком! [27]

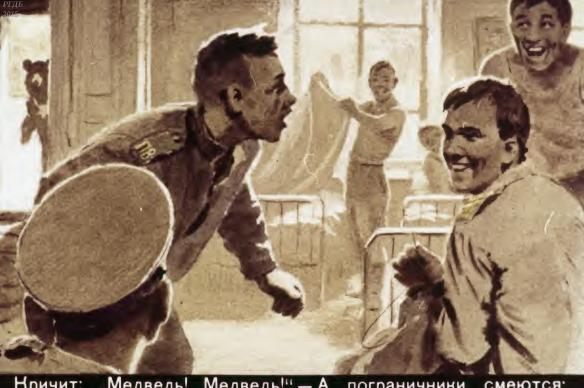
— Нет, — выглядывал из оношна раснрасневшийся Ерохин. — Я после службы на трантор сяду. Зато уж в цирн приду — и сразу в первый ряд: "Привет, Михаил Матвеич, не помните? С вами на одной заставе служил, в люди вас выводил!"

Может, так бы всё и было, не случись с Михаилом Матвеичем печальная история. Перевели с другой заставы рядового Митрофанова. Прибыл он вечером.

утром пошел Митрофанов на турнине нувырнаться. Слышит кто-то рядом сопит. Оглянулся—медведь! Слетел солдат с перекладины и задом-задом в назарму.

Кричит: "Медведь! Медведь!"— А пограничники смеются: "Своего брата пограничника не узнал! Это же наш Михаил Матвеич!"

Еле оправился солдат от испуга. А на медведя затаил злость и решил сыграть с ним шутку.

Нан-то утром собрался Михаил Матвеич за водой. Митрофанов поднрался и бочие и выдернул деревянную затычну—чоп. Этого нинто не заметил.

Стал Михаил Матвеич наливать ведром воду. Льёт, льёт, а бочна всё пустая. Рассердился Мишна, забегал быстрее. А вода всё равно в дыру уходит.

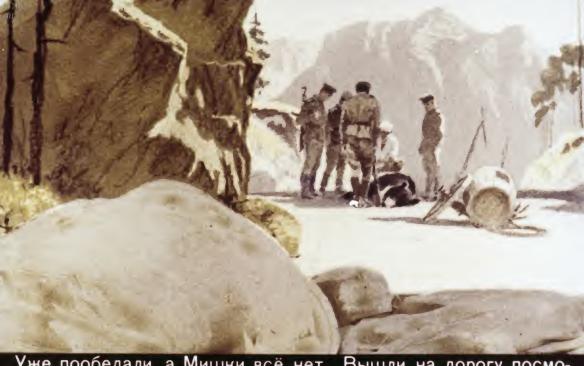
Время уж н обеду подошло. Медведь затряс головой, занервничал. Бросил бадью, схватился за оглобли и бегом н дому.

Рассвирепел медведь, заревел в ярости, хватил бочну о землю... и сам вдруг упал.

Сели на заставе обедать, а Михаила Матвеича нет. Таного не бывало. Один тольно Митрофанов сидит себе ухмыляется.

Уже пообедали, а Мишни всё нет. Вышли на дорогу посмотреть: может, в тайгу сбежал. Смотрят, на дороге бочна, а рядом лежит медведь. Онлиннули его, а он мёртвый. Сердце разорвалось.

На следующий день начальнин заставы вызвал Митрофанова и сназал: "Пять сутон наряда вне очереди — возить с рени воду на нухню". — "За снотину, что ли?" — недовольно спросил Митрофанов.

— Самому надо быть человеном, — сназал Матвеев и вышел за порог. Было тихо. Процонали в стороне нопытами нони: на рыжую осеннюю сопну ехал пограничный отряд.

